Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Парвусъ.

Въ чемъ мы расходимся?

Отвѣтъ Ленину на его статьи въ „Пролетаріѣ".

Изданіе „Искры".

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905.

Въ чемъ мы расходимся?

„Кто хочетъ испугать черта, долженъ громко кричать", говоритъ нѣмецкая пословица. Судя по анти-оппортунистическому треску, который подымаетъ „Пролетарій" всѣ оппортунистическіе бѣсы и чертенята, подбирающіеся къ русскому рабочему движенію, должны бы пребывать въ страхѣ и трепетѣ. Однако, выходитъ иначе. Пока недреманное око Ленина отыскиваетъ оппортунистовъ въ рядахъ тѣхъ, кто явился выразителемъ идей научнаго соціализма и политическаго революціонизма, дѣйствительные и явные оппортунисты, разные господа Прокоповичи, свободно проходятъ въ рабочую среду и упрочиваютъ тамъ свое вліяніе, пользуясь разногласіями въ средѣ революціонной соціальдемократіи.

Ленинъ и его соратники по „Пролетарію" только чудачатъ по своему, въ сущности, же они на фонѣ русской интеллигенціи, повторяютъ политическій типъ, давно извѣстный въ Западной Европѣ. Неоднократно на моихъ глазахъ ненасытный радикализмъ этихъ приверженцевъ исключительнаго революціонизма поглощалъ самого себя и оставлялъ неказистый осадокъ политической растерянности, ведшей къ оппортунизму и даже дальше того. Такова исторія, такъ называемыхъ, „независимыхъ" въ Германіи, Вильдбергера, Вернера, Эрнста Мюллера и Павла Эрнста, такова исторія Шиппеля и многихъ другихъ. У нихъ всѣхъ, не смотря на различіе литературной и политической физіономіи, была общая манера подступать къ разрѣшенію политическихъ вопросовъ, объединяющая ихъ также и съ Ленинымъ. Статья редакціи „Пролетарія"! противъ предлагаемой мной тактики по отношенію къ Государственной Думѣ мнѣ даетъ чрезвычайно благодарный случай раскрыть этотъ невѣрный политическій методъ, уже не разъ вносившій путаницу въ соціальдемократическое движеніе.

Итакъ, товарищъ Ленинъ, мнѣ приходится просить васъ пожаловать на анатомическій столъ. По добротѣ своей, доставившей вамъ уже столько пріятныхъ минутъ, не могу не пожалѣть объ этомъ. Но что подѣлаешь? Вы сами уже давно напрашиваетесь подъ мой хирургическій ножъ.

Созывъ Государственной Думы политическій фактъ. Поставленъ вопросъ: признать, или не признать ее? Въ связи съ этимъ: участіе въ выборахъ, или бойкотъ?—Уже сама по-

становка вопроса неправильна. Политическіе факты нельзя не признать. Они существуютъ — съ ними нужно считаться. Передъ нами новый политическій фактъ — необходима новая политическая борьба. Необходимо теперь бороться и противъ правительства и противъ Государственной Думы.

Намъ говорятъ: мы помѣшаемъ состояться Государственной Думѣ.—Это возможно только, если революціей предупредить Государственную Думу.

Разумѣется, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы уже ближайшее возстаніе было побѣдоноснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны разсчитать свою революціонную тактику еще на цѣлый рядъ пораженій. Это значитъ: во время возстанія наибольшая концентрація силъ и до крайности смѣлая борьба, но еще до возстанія и во время него подготовка новаго возстанія.

Можемъ ли мы быть увѣренными въ томъ, что мы еще до собранія Думы свергнемъ самодержавіе? Мы этого не можемъ сказать. Мы даже не знаемъ, удастся ли намъ къ тому времени устроить общее массовое возстаніе.

Но мы должны работать въ этомъ направленіи. Какъ это сдѣлать? „Проповѣдью возстанія"? —Это голосъ изъ-за облаковъ, внѣ жизни, въ отвѣтъ на жгучій жизненный вопросъ. Конечно, революціонная „проповѣдь" необходима, но, вѣдь, это примѣнимо и должно быть примѣняемо при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, а передъ нами конкретный политическій вопросъ: фактъ созыва Государственной Думы открываетъ ли намъ новыя пути и возможности революціонной агитаціи и пропаганды и какія?

Конечно, открываетъ: это—выборныя кандидатуры, выборная агитація, выборныя собранія и самые выборы. Все это намъ нужно использовать.

Но у насъ нѣтъ фактической возможности поставить собственныя кандидатуры? — Нѣтъ, такъ нѣтъ, — однако, прежде чѣмъ рѣшительно отказаться, не мѣшаетъ осмотрѣться и поискать.

Насъ не пустятъ на собранія, избиратели сами будутъ противъ нашего участія? — Пусть, это только усилитъ революціонное возбужденіе массъ. Если мы говоримъ рабочимъ: „вотъ собраніе эксплуататоровъ, васъ они знать не хотятъ" — это имѣетъ свое вліяніе. Но, если мы поведемъ рабочихъ на собраніе, и тамъ сами представители буржуазіи будутъ требовать ихъ удаленія, то это будетъ вліять во стократъ больше.

Придутъ войска, сами избиратели позовутъ полицію, и наше участіе сдѣлаютъ невозможнымъ? — Что же, опять — революціонный фактъ, агитирующій лучше всякой революціонной „проповѣди".

На самомъ дѣлѣ намъ во многихъ случаяхъ удастся и провести свои собранія, и принять участіе въ собраніяхъ избирателей. Если считаться съ такого рода „невозможностями", то невозможно все то, что было сдѣлано русскими рабочими до сихъ поръ. Невозможны были стачки, когда рабочихъ за стачки сажали въ тюрьмы. Невозможны были демонстраціи, когда демонстрантовъ разгоняли казаки. Невозможно было революціонное возстаніе, когда армія стрѣляла въ народъ. Но все это было и есть. И послѣ того, какъ все это продѣлано, сомнѣваться въ осуществимости нашего участія въ выборной агитаціи — это очень характерный показатель степени увѣренности въ политической энергіи революціонныхъ массъ.

Но наше участіе въ выборахъ и есть бойкотъ — поучаетъ меня Ленинъ. Чтобы уяснить себѣ, что такое бойкотъ, мнѣ не нужно пускаться въ отвлеченныя словоопредѣленія. Я видѣлъ бойкотъ на практикѣ въ разныхъ формахъ — и экономическій, и политическій и парламентарный. Но Ленинъ говоритъ, это все иное, а у насъ свой особый бойкотъ — „активный". По моему, если будутъ разгонять наши собранія, то это не значитъ, что мы ихъ срываемъ. По моему — насъ будутъ бойкотировать, а не мы будемъ бойкотировать. Но Ленинъ говоритъ, это я все такъ толкую по своему непониманію. И съ другой стороны, со стороны „меньшевиковъ" мнѣ тоже уже, когда я предлагалъ „организовать революцію", говорили, что я недостаточно разбираюсь въ политической терминологіи, созданной полемикой въ средѣ русскаго соціализма. Я лично до сихъ поръ еще не чувствовалъ надобности создавать новые политическіе термины для соціалистическаго движенія въ Россіи. Въ моихъ глазахъ даже является подозрительнымъ уже самый тотъ фактъ, что русскій соціализмъ за короткое время своего существованія создалъ чуть ли не больше политическихъ терминовъ, чѣмъ міровой соціализмъ впродолженіе всей своей исторіи, пройдя и черезъ революціи и черезъ парламентаризмъ и продѣлавъ въ самомъ себѣ духовную революцію. Сколько испечено политическихъ терминовъ со времени одного только второго съѣзда? Болото, хвостизмъ, твердокаменные, мелкотернистые и т. п.

„Въ началѣ было слово" — такова космогонія новыхъ русскихъ марксистовъ. Еще ничего не сдѣлали, а уже сочинили слово, и изъ за слова разодрались!

Я признаюсь, что въ спорахъ русскихъ марксистовъ послѣднихъ лѣтъ многаго не понимаю. И не научусь пони-

мать. Ибо для этого мнѣ нужно разучиться думать по методу западноевропейскаго революціоннаго соціализма.

Но пусть ошибка въ терминѣ. Тогда Ленину только оставалось сказать: Парвусъ предлагаетъ то же, что и мы, онъ только иначе выражается. Если ему понадобился полемическій перлъ, онъ могъ обвинить меня въ плагіатѣ. Онъ могъ бы даже сказать, что я еще заднимъ числомъ сосовершилъ этотъ плагіатъ, выступивъ за выборную агитацію при прусской трехклассной системѣ тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда Ленинъ, какъ политическая личность еще не существовалъ. Однако, Ленину этого мало. Онъ конструируетъ противорѣчія въ моей статьѣ. Онъ ихъ и въ самомъ дѣлѣ видитъ. А видитъ потому, что у него въ глазахъ двоится. А въ глазахъ у него двоится потому, что въ его политическомъ мышленіи между „революціонизмомъ" и „парламентаризмомъ" стоитъ метафизическій простѣнокъ, и оба бѣгутъ паралельно, взаимно другъ друга исключая. Это намъ станетъ ясно на дальнѣйшемъ анализѣ его статьи.

Если намъ не удастся свергнуть самодержавіе до собранія Думы, то намъ придется считаться съ дѣятельностью и съ составомъ этого новаго учрежденія.

Каковъ будетъ составъ Думы, трудно сказать заранѣе. Не исключена возможность, что Дума будетъ оппозиціонна. Былъ же прусскій ландтагъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. либеральнымъ при аграрно-плутократическомъ избирательномъ правѣ. Но если сама Дума не будетъ оппозиціонной, то все же въ ней будетъ оппозиція. Это опять новый политическій фактъ. Какъ къ нему отнестись?

Надо дискредитировать Государственную Думу передъ народомъ. Она сама объ этомъ всего больше позаботится, раскрывая своими поступками свой классовой характеръ. Но это не освобождаетъ насъ отъ нашей агитаціонной работы, напротивъ расширяетъ ее. Мы изо дня въ день получаемъ богатѣйшій матеріалъ для критики классового эгоизма и политической реакціонности господствующихъ классовъ. Но это еще далеко не все. Намъ нужно воспользоваться либеральной оппозиціей въ Думѣ для борьбы противъ самой Думы и противъ правительства.

Такъ неужели намъ оживлять либерализмъ, сплачивая вокругъ него народныя массы? — Нисколько! Мы его будемъ толкать впередъ тѣмъ, что будемъ его критиковать. Но именно эта критика включаетъ въ себя поддержку либерализма противъ реакціонныхъ партій. Мы критикуемъ либерализмъ, потому что онъ, даже когда онъ вполнѣ революціоненъ, является представителемъ интересовъ капитализма. Но мы критикуемъ его также потому, что онъ даже не въ

состояніи выполнить самую капиталистическую революціонную программу и намъ приходится дѣлать его работу: завоевывать то капиталистическое государственное устройство, которое мы собираемся разрушить. Не удовлетворяясь тѣмъ, что либерализмъ дѣлаетъ, мы не можемъ не признать того, что онъ дѣлаетъ, и вредили бы самимъ себѣ, если бы этого не использовали. Мы упрекаемъ либерализмъ въ томъ, что онъ недостаточно поддерживаетъ насъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, — какъ же намъ отказать ему въ поддержкѣ тамъ, гдѣ онъ эту борьбу дѣйствительно ведетъ? Мы боремся противъ правительства, консерваторовъ и либераловъ. Поскольку либералы борятся противъ правительства и консерваторовъ, они борятся за одно съ нами, — такъ неужели намъ сложить оружіе, оттого, что либералы вошли въ нашу боевую линію? Наоборотъ, мы должны пользоваться ихъ отрядами и взять ихъ подъ защиту своего боевого огня.

Либерализмъ разлагаетъ парламентъ—тѣмъ лучше для насъ. Либерализмъ ослабляетъ правительство—тѣмъ лучше для насъ. Наконецъ, поддерживая либерализмъ, поскольку онъ революціоненъ и демократиченъ, мы способствуемъ выдѣленію изъ его среды крайнихъ элементовъ, т. е. его же распаденію.

Либерализмъ—заноза, которую мы вгоняемъ въ тѣло буржуазнаго парламента, не стальной клинокъ, но кусокъ древесины, который разлагая живой организмъ, самъ сгниваетъ. Въ нашемъ интересѣ, чтобы этихъ занозъ было побольше въ Государственной Думѣ.

Въ отношеніяхъ соціалистическихъ партій къ либерализму всегда были различныя теченія. Оппортунисты требуютъ союза съ либеральными партіями съ цѣлью провести демократическія реформы и демократизировать политику правительства. Исключительно—революціонеры заявляли: каковы бы ни были названія буржуазныхъ партій, онѣ всѣ составляютъ единую, враждебную намъ классовую силу и мы съ ними ничего общаго имѣть не можемъ. Въ противуположность и тому и другому развилась тактика нѣмецкой соціальдемократіи, ставшая въ общемъ руководящей для соціалистическихъ партій всего міра. Ее я теперь защищаю передъ русской соціальдемократіей.

Уже Лассаль, впервые оторвавшій рабочія массы отъ нѣмецкаго либерализма и сплотившій ихъ въ классовую партію, тѣмъ не менѣе требовалъ отъ нихъ, чтобы они поддерживали либераловъ въ ихъ борьбѣ противъ консервативныхъ партій и правительства. Этой тактикѣ соціальдемократія осталась вѣрна. Она прежде всего старается организовать рабочихъ вокругъ себя и ведетъ при этомъ ожесточенную борьбу про-

тивъ либерализма. Тѣмъ не менѣе она поддерживаетъ либеральныя партіи и вотируетъ за нихъ, гдѣ не можетъ провести своихъ собственныхъ кандидатовъ. Она это дѣлаетъ не потому, что ждетъ отъ либераловъ реформъ, а потому что парламентъ со сплоченнымъ реакціоннымъ большинствомъ ей болѣе вреденъ, чѣмъ парламентъ либеральный или раздробленный либеральной оппозиціей. Этотъ пріемъ сталъ популяренъ подъ именемъ *тактики наименьшаго зла.*

Но если намъ выгоднѣе имѣть въ Думѣ либераловъ, чѣмъ явныхъ реакціонеровъ, то, очевидно, намъ не мѣшаетъ уже сейчасъ, при выборахъ позаботиться объ этомъ и для того пустить въ ходъ всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи средства революціоннаго давленія. Вотъ то, что я предлагаю.

Но я не ограничиваюсь этимъ и, предлагаю помочь либераламъ, требую, чтобы на нихъ были наложены обязанности. Первое обязательство—это то, чтобы либералы тамъ, гдѣ намъ все же можетъ быть удастся выставитъ собственныя кандидатуры, голосовали за насъ. Чтобы поддержать это требованіе и оправдать также наше давленіе на избирателей въ пользу либераловъ, я устанавливаю такой политическій тезисъ: избирательное право дано исключительное, но использовать его избиратели должны въ интересахъ всего народа.

„Какъ, восклицаетъ Ленинъ. Парвусъ ждетъ отъ имущихъ классовъ защиты народныхъ интересовъ? Вотъ онъ—буржуа!" Однако, позвольте, если бы я былъ этого мнѣнія, тогда то, вѣдь, именно мнѣ незачѣмъ было бы видоизмѣнять выборы, я же требую выбора *рабочихъ кандидатовъ*—почему? да не по чему другому, какъ потому, что не жду народнаго представительства изъ среды цензовыхъ избирателей. Въ чемъ же тутъ суть? А въ томъ, что въ политическомъ мышленіи Ленина нѣтъ мѣста политической борьбѣ.

Мы всѣ знаемъ, что нѣтъ абсолютной политической морали, а есть классовая. Но всякая классовая мораль стремится стать общенародной. Какъ капитализмъ свое хищническое накопленіе капитала прикрываетъ идеей національнаго богатства, такъ онъ свое политическое господство прикрываетъ идеей демократическаго государства. Отсюда получается противорѣчіе между политическими догмами буржуазіи и ея политической практикой. А въ этомъ противорѣчіи, для насъ цѣлый міръ агитаціи. Недостаточно формулировать классовую политику, надо ее раскрыть въ политической борьбѣ, ставя буржуазныя партіи передъ задачами, вытекающими изъ ихъ политическихъ предпосылокъ, но которыя для нихъ не выполнимы по ихъ классовому положенію.

Этого не понимаютъ приверженцы исключительнаго революціонизма. Готовая формула классовыхъ интересовъ, классовой политики, извлеченная изъ жизни, вмѣсто того чтобы служить методомъ политической борьбы, имъ служитъ средствомъ отстранять пролетаріатъ отъ политической жизни. Насколько они послѣдовательны, они выступаютъ не только противъ поддержки либераловъ, но и противъ участія въ выборахъ и въ буржуазномъ парламентѣ и даже противъ буржуазной революціи, приводящей только къ видоизмѣненію того же капиталистическаго господства, и ищутъ какихъ то особыхъ, чисто пролетарскихъ средствъ борьбы, вродѣ, напримѣръ, всеобщей стачки, какъ ее понимаютъ анархисты, т. е. какъ средство парализовать капиталистическое производство. Они не видятъ того, что пролетаріатъ принужденъ бороться на готовой политической базѣ, что формы и средства политической борьбы даны исторически сложившимся государственнымъ строемъ и что пролетаріатъ только вноситъ свое классовое содержаніе и въ парламентаризмъ и въ революцію. Въ концѣ концовъ у нихъ все сводится на нѣтъ и остается только устная и письменная революціонная проповѣдь". Они знаютъ только пропаганду, но не знаютъ агитаціи и совершенно не умѣютъ вести политическую борьбу.

Перейдемъ къ нашему конкретному примѣру. Либералы только что высказались за общее, равное etc. избирательное право. Оставаясь вѣрными этому принципу, они должны уже сейчасъ считаться съ мнѣніемъ народныхъ массъ. Что же, если мы устроимъ массовыя собранія и поставимъ на голосовку кандидатовъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ намъ, можетъ быть, даже удастся на самыхъ выборныхъ собраніяхъ, если будетъ на нихъ достаточно сторонняго народу, поставить листъ кандидатовъ на голосовку всѣхъ присутствующихъ, прежде чѣмъ перейти къ офиціальной баллотировкѣ. Мы можемъ заставить голосовать на фабрикахъ, въ рабочихъ казармахъ, въ десяткахъ отдѣльныхъ собраній, мы можемъ голосовать подъ открытымъ небомъ на массовыхъ собраніяхъ — мы можемъ собрать тысячи голосовъ, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до офиціальной баллотировки на собраніи избирателей. Если либералы со всѣмъ этимъ не будутъ считаться, то будетъ раскрыто на дѣлѣ ихъ политическое лицемѣріе, то уже на первыхъ шагахъ мы помѣшаемъ имъ дутой программой морочить народъ.

Я предлагаю, далѣе, связать либераловъ-кандидатовъ опредѣленными политическими обязательствми. Я не развиваю въ статьѣ политической программы, я только *къ примѣру*, на что спеціально указываю, привожу два ближайшихъ требованія въ виду ихъ связи съ нашимъ отношеніемъ къ Го-

сударственной Думѣ. Вся полемика Ленина, направленная противъ меня по этому поводу, основана на подтасовкѣ: выходитъ, будто я предлагалъ *замѣнить* условія, выработанныя конференціей меньшинства, моими требованіями. Объ этомъ я ни словомъ не обмолвился.

Кстати! Ленинъ дѣлаетъ меньшинство отвѣтственнымъ за мои грѣхи и меня за грѣхи меньшинства. Ибо Ленину необходимо, чтобы въ партіи стояли другъ противъ друга, какъ стѣна противъ стѣны, меньшинство и большинство. Ему это необходимо въ интерасахъ полемики, которая давно уже стала у него на мѣсто общихъ интересовъ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи. Я не могу помѣшать Ленину отражать мои взгляды по законамъ его собственной психики, какъ не могу помѣшать расколотому зеркалу двоить отраженіе. Но я обращаю вниманіе товарищей на то, что зеркало расколото, и прошу судить обо мнѣ не по ленинскимъ, а по моимъ статьямъ. Я никогда не былъ ни меньшевикомъ, ни большевикомъ, я даже не всегда разбираюсь въ томъ, чѣмъ одни отличаются отъ другихъ, и позволяю себѣ оставаться просто соціальдемократомъ.

Что же касается моихъ требованій, то практичность ихъ только что документировалъ Земскій Съѣздъ. Эти господа приняли разныя радикальныя и демократическія рѣшенія, рѣшили также бороться въ самой Думѣ за общее, равное избирательное право, но ни словомъ не обмолвились о томъ, какъ они будутъ бороться, я же требую отъ либераловъ въ Думѣ отказа правительству во всѣхъ государственныхъ средствахъ пока не будетъ введено общее etc избирательное право.

Но тутъ опять на меня гнѣвно обрушивается Ленинъ. Отъ кого требовать введенія демократическаго избирательнаго права? Не отъ самодержавія ли? Ленинъ смѣшиваетъ политическое требованіе съ политическимъ упованіемъ или съ средствомъ его выполненія. Японцы требовали отъ царскаго правительства сдачи Манджуріи — значитъ ли это, что они надѣялись на великодушіе царя? Нисколько, они надѣялись на свою армію и получили Манджурію, завоевавъ ее. Мы, если не на словахъ, то всѣмъ своимъ существованіемъ *требуемъ*—отъ самодержавія, чтобы оно отказалось отъ своихъ прерогативъ, отъ капиталистовъ, чтобы они отказались отъ своей собственности на орудія производства. Все тоже непониманіе законовъ политической агитаціи, которое я уже характеризовалъ выше! На самомъ дѣлѣ, суть совершенно не въ самодержавіи, а въ либералахъ, которыхъ мы своимъ требованіемъ заставляемъ отъ слова перейти къ дѣлу.

Что на Земскій Съѣздъ можно было произвести давленіе, показали поляки, заставившіе съѣздъ принять рѣшеніе по польскому вопросу, отъ котораго онъ всячески хотѣлъ уклониться. А мы дали имъ свободно корчить изъ себя друзей народа и рабочихъ и морочить народъ дутыми программами. Гдѣ же были московскіе рабочіе? Почему они не пришли толпами къ Съѣзду и не требовали ясныхъ рѣшеній и обязательныхъ постановленій по рабочимъ вопросамъ и не заставили земцевъ присягать передъ народомъ, что они не войдутъ ни въ какое соглашеніе съ самодержавіемъ? Гдѣ была соціальдемократія? Почему она не поставила передъ Земскимъ Съѣздомъ политическія требованія, которыя сдѣлали бы невозможной лицемѣрную и двойственную игру?

Я не знаю, былъ ли то активный, или пассивный бойкотъ. По моему, это было просто политическое бездѣйствіе, не бойкотъ, а абсентеизмъ.

Еслибы земцы обязались отказывать правительству во всѣхъ средствахъ, пока не будетъ введено общее etc. избирательное право, то этимъ они формально отрѣзали бы себѣ путь къ компромису съ правительствомъ. Именно поэтому они впослѣдствіи нарушили бы свое обѣщаніе—и этимъ тѣмъ болѣе они возбудили бы противъ себя народныя массы. А если бы они уже сейчасъ отказались отъ такого обязательства, то они этимъ немедленно дискредитировали бы не только свое отношеніе къ избирательному праву, но всю свою политическую программу. Пусть они послѣ этого принимаютъ какія угодно рѣшенія — мы на все, съ политическимъ документомъ въ рукахъ, отвѣтимъ, что они принимаютъ рѣшенія, не думая серьезно ихъ защищать, что это только для отвода глазъ, что они обманываютъ народъ.

Предъявляя либераламъ политическія требованія, дискредитирующія ихъ немедленно или, силою вещей, впослѣдствіи, мы въ тоже время должны использовать въ своихъ интересахъ каждый шагъ либерализма впередъ, каждое его политическое пріобрѣтеніе, все равно достигнуто ли оно народной революціонной борьбой, или это уступка правительства съ цѣлью создать изъ буржуазіи консервативную силу. Такъ либералы, вслѣдствіе созыва Государственной Думы получили возможность легальной организаціи. Земцы не заявили себя политической партіей, но они фактически конституировались какъ таковая, выбравъ постоянный центральный избирательный Комитетъ, назначивъ мѣстные комитеты и издавъ политическую выборную программу для всей страны. Въ прессѣ давно уже открыто говорятъ о либеральной и демократической партіи и называютъ представителей той и дру-

гой. Я требовалъ, чтобы, воспользовавшись этимъ, мы сдѣлали попытку легализировать, если не соціальдемократическую партію, то хоть рабочее представительство.

Все вмѣстѣ, и борьба противъ либераловъ, и поддержка ихъ въ борьбѣ съ правительствомъ, и использованіе ихъ политическихъ успѣховъ, составляетъ ту тактику, которую я уже при первыхъ зачаткахъ земской кампаніи въ письмѣ къ Ленину — оно теперь напечатано въ этой же брошюрѣ — характеризовалъ такъ:

„Не „„содѣйствовать““ и не „„воздѣйствовать““, а пользоваться борьбой нашихъ враговъ между собою, чтобы *отвоевать себѣ почву*, быть безпрерывно насторожѣ, не пропускать ни одной слабости на той или другой сторонѣ, не воспользовавшись ею для своихъ цѣлей, *требовать отъ либерализма своей части при каждомъ его дв женіи впередъ*, нападать на него съ тылу при каждомъ его отступленіи, возбуждать массы и противъ правительства и противъ буржуазіи, и противъ либерализма, организовывать—организовывать—организовывать—собирать революціонную силу, чтобы въ моментъ, когда на это нужно будетъ рѣшиться, расправиться и съ царскимъ правительствомъ и съ либерализмомъ“.

Наша техника можетъ измѣниться, но наше отношеніе къ политическимъ партіямъ нѣтъ, потому что оно вытекаетъ изъ нашей классовой борьбы. Характеристика нашего отношенія къ либерализму, данная мною выше, остается вѣрной при всѣхъ политическихъ условіяхъ, будь то абсолютизмъ, парламентаризмъ, или революція. По Ленину выходитъ иначе. Онъ признается, что измѣнилъ свое отношеніе къ либераламъ, готовится его измѣнить еще разъ. Меня онъ упрекаетъ въ томъ, что я измѣняю классовымъ интересамъ пролетаріата, но то, что онъ самъ дѣлалъ раньше, онъ считаетъ „исторической заслугой“, — и, разумѣется, исторической заслугой въ его глазахъ будетъ также то, что онъ сдѣлаетъ потомъ.

Ленинъ говоритъ, что я со своимъ предложеніемъ поддержки либераламъ опоздалъ на три года. Что же было три года тому назадъ? Ахъ да, это было то время, когда Ленинъ въ „Зарѣ“ объединялъ всѣ слои общества! Впослѣдствіи въ своей брошюрѣ онъ громилъ кокетничаніе съ либералами какъ *новую тактику „новоискровцевъ“*. Послѣ того какъ я ему въ своемъ письмѣ напомнилъ, что это кокетничаніе было также въ *старой Искрѣ*, онъ его заднимъ числомъ возвелъ въ историческую заслугу.

Когда Ленинъ въ „Зарѣ“ проповѣдывалъ революціонность предводителей дворянства, я считалъ это ребяческой затѣей и только потому, да еще по „добротѣ“ своей, о кото-

рой еще рѣчь впереди, не выступилъ противъ него публично, а ограничился ироническими замѣчаніями въ личной бесѣдѣ. Потому что, насколько мы должны пользоваться либерализмомъ либераловъ, настолько же не наше дѣло прославлять ихъ, а должны мы ихъ немилосердно критиковать.

Чѣмъ же Ленинъ объясняетъ теперь свое тогдашнее отношеніе къ либераламъ?

„Когда у либераловъ *не было ни органа, ни нелегальной организаціи*, а у насъ было и то и другое, мы помогали ихъ политическому развитію. И этой заслуги не вычеркнетъ исторія изъ дѣятельности соціальдемократіи. Но теперь либералы изъ младенцевъ политики стали *главными дѣльцами* ея, показали на дѣлѣ свое предательство революціи. *Теперь* обращать главное вниманіе не на изобличеніе въ предательствѣ буржуазныхъ „„соглашателей““, а на напоминаніе имъ „„обязанностей““ вѣдать дѣла всего народа — значитъ превращаться въ прихвостня освобожденцевъ“

Читатель знаетъ, что я отнюдь не жду отъ либераловъ предательства народныхъ интересовъ, а, наоборотъ, предъявляю имъ политическія требованія, которыя должны на дѣлѣ раскрыть ихъ классовой характеръ, что не я, а Ленинъ сокращаетъ работу по изобличенію политическаго предательства либерализма — тѣмъ, что исключаетъ изъ нея цѣлую область политической агитаціи и борьбы. Констатирую вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ленинъ, какъ вытекаетъ изъ его противопоставленія „*теперь*“, которое онъ еще особо подчеркиваетъ, въ прошедшемъ оправдываетъ и смягченіе нашей антилиберальной критики и соглашеніе съ либералами, межъ тѣмъ, на мой взглядъ, наша критика либераловъ всегда должна быть самой крайней и безпощадной, и никогда мы не должны входить съ ними въ соглашенія, которыя могли бы ослабить нашу агитацію.

Сдѣлавъ эти поправки, заявляю, что тактика, вытекающая изъ ленинскаго противопоставленія прошлаго либерализма съ настоящимъ, прямо таки ставитъ вещи на голову.

Въ политикѣ считаются только съ силой. Когда либерализмъ былъ нуль, а мы все, мы могли свободно его игнорировать. Въ нашихъ интересахъ было не выращивать либерализмъ, а обращать вниманіе народа на то, что мы не только единственная партія эксплуатируемыхъ классовъ, но и единственная революціонная и оппозиціонная сила въ странѣ. Отклонить насъ отъ этой тактики можно было только, сдѣлавъ объединяющимъ и руководящимъ началомъ нашей борьбы, намѣсто соціальнореволюціонной организаціи пролетаріата, борьбу противъ самодержавія. Это тотъ путь, которымъ пошелъ *Струве*. Идя послѣдовательно по этому пути,

онъ показалъ, куда онъ ведетъ. Вотъ почему я еще впослѣдствіи, въ своемъ письмѣ къ Ленину, вооружался противъ такой постановки вопроса и утверждалъ, что, если бы намъ даже удалось такимъ образомъ ускорить парламентаризмъ, мы, какъ партія не просто демократическая, а и соціальнореволюціонная, должны поступить иначе. И вотъ на на тотъ же путь, что Струве, попалъ и Ленинъ своимъ стремленіемъ объединить всѣ общественные элементы на борьбу съ самодержавіемъ. Теперь онъ далъ задній ходъ и двигается по прямой линіи въ обратномъ направленіи — другого движенія онъ не знаетъ. Но зато онъ можетъ также прямолинейно помчаться — опять назадъ.

Мы нисколько не хотимъ объединять, но, по мѣрѣ того какъ либерализмъ становится *политической силой*, мы не можемъ съ нимъ не *считаться*. Новый политическій факторъ заставляетъ насъ опредѣлить свое отношеніе и къ нему, и къ тому измѣненію карты политическихъ силъ, которое произошло и происходитъ, благодаря его вмѣшательству. Отсюда получается тактика критики либерализма и использованія его въ борьбѣ съ правительствомъ.

Фактически невѣрна самая характеристика либерализма. Неужели Ленинъ когда либо сомнѣвался въ томъ, что либералы готовы предать революцію? Такова была искони ихъ тактика. Они кокетничали съ революціонерами и въ то же время шептались съ правительствомъ, доказывая ему, что они, лучше жандармскаго управленія, въ состояніи справиться съ крамолой.

Наоборотъ, за время революціи либералы стали демократичнѣе и революціоннѣе. Правда, и демократизмъ, и революціонизмъ ихъ очень жалки, въ особенности, если принять во вниманіе, что буржуазія въ Россіи теперь переживаетъ свое самое революціонное время, но игнорировать это развитіе значитъ закрывать глаза на дѣйствительность. Они раньше не рѣшались высказаться за общее и равное избирательное право, а теперь поставили его во главу своей выборной программы. Они разсыпаются демократическими фразами. Обращаются съ воззваніями къ народу. Ведутъ выборную агитацію. Въ Государственной Думѣ они будутъ держать оппозиціонныя рѣчи, и этимъ сконцентрируютъ на себя вниманіе всей страны. Они только дурачатъ народъ? Вѣрно — но все это нужно передъ народомъ лишь раскрыть на дѣлѣ, создавая каждодневно тысячи столкновеній между политическими обѣщаніями и политическими поступками либераловъ.

Не надо забывать, что во Франціи понадобился цѣлый рядъ революцій, понадобились кровавые іюньскіе дни, чтобы

рабочіе убѣдились въ классовомъ эгоизмѣ и въ политическомъ лицемѣріи буржуазныхъ партій. До сихъ поръ во всемъ мірѣ только лишь нѣмецкіе рабочіе почти цѣликомъ отдѣлились отъ либераловъ, слившись въ соціальдемократію, да и то для этого, не смотря на то, что нѣмецкая буржуазія уже въ революціи 48 года подло измѣнила народу, еще послѣ агитаціи Лассаля понадобились десятки лѣтъ. Въ Россіи историческія условія для самостоятельной соціалистической рабочей партіи складываются еще гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ Германіи, но, помятуя историческій опытъ, было бы преступно думать, что либералы въ Россіи не могутъ на время въ большей или меньшей степени овладѣть умами значительной части рабочихъ. Одна „проповѣдь революціи“ намъ тутъ не поможетъ, а должны мы противопоставить „парламентарной тактикѣ“ либераловъ нашу „парламентарную тактику“.

Да — говоритъ Ленинъ — но это лишь тогда, когда у насъ будетъ настоящій парламентъ. Я не вижу причинъ откладывать на послѣ политическую борьбу, которую можно вести уже сейчасъ.

Однако, разсмотримъ, насколько вопросъ о правахъ парламента измѣнитъ нашу тактику.

Допустимъ, что правительство дало бы общее избирательное право, но оставило бы Государственную Думу безъ парламентарскихъ правъ, какъ теперь. Это не былъ бы настоящій парламентъ, но врядъ ли кто нибудь усумнится, что при общемъ избирательномъ правѣ намъ слѣдовало бы принять участіе въ выборахъ. Принимая участіе въ выборахъ, мы стараемся собрать возможно большую собственную фракцію, а внѣ этого усилить оппозицію. Итакъ мы примѣняемъ „парламентскую тактику“ при отсутствіи дѣйствительнаго парламента.

Возьмемъ теперь другой случай: избирательное право такое же, какъ теперь, но Государственной Думѣ предоставлены парламентарныя права. Я думаю, что и въ этомъ случаѣ даже Ленину будетъ ясно, что пренебречь парламентской оппозиціей нельзя. На самомъ же дѣлѣ разница противъ теперешняго положенія была бы только формально юридическая. Самое большее, что даже самый настоящій парламентъ можетъ сдѣлать, это отказать правительству въ бюджетѣ. Но что, если правительство, хотя и давши парламенту права, не обратитъ вниманія на этотъ отказъ и будетъ распоряжаться противъ воли парламента? За примѣрами недалеко ходить. Такова исторія прусскаго конфликта 60-хъ годовъ, наконецъ, на нашихъ глазахъ нѣчто подобное же происходитъ въ Австріи. Въ чемъ же сила? Въ томъ,

что конфликтъ правительства съ парламентомъ создаетъ народное возмущенiе, а народное возмущенiе можетъ разразиться революцiей.

Суть, слѣдовательно, не въ парламентарныхъ правахъ, а въ агитацiи при помощи парламента. Но какъ агитацiоннымъ средствомъ мы можемъ воспользоваться либеральной оппозицiей въ Думѣ сейчасъ. Эта оппозицiя будетъ даже тѣмъ болѣе радикальна, чѣмъ меньше у нея правъ. Но какова бы она ни была, отъ насъ зависитъ усилить революцiонный эффектъ ея, критикуя либерализмъ.

Пренебреженiе либеральной оппозицiей въ Думѣ, по внѣшности ультра революцiонное, покоится въ сущности на слишкомъ высокой оцѣнкѣ формальныхъ правъ парламента. Вотъ почему этотъ частный революцiонизмъ, когда парламентарныя права будутъ, очень легко можетъ перейти въ парламентарный оппортунизмъ.

Приверженцы исключительнаго революцiонизма думаютъ метафизически, абсолютными противорѣчiями. Да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Поэтому и для Ленина „парламентарная тактика" и „революцiонная тактика" другъ друга взаимно исключаютъ. Не понимаетъ онъ того, какъ можно парламентарную тактику употребить для революцiонизированiя рабочихъ массъ.

Почему рабочiе на Западѣ, какъ показываетъ наша историческая справка, упорно шли на приманки либераловъ, пока послѣднiе не стали разстрѣливать самихъ рабочихъ, и даже позже того? По своему классовому тупоумiю? по оппортунизму своей стихiйности? Это было бы объясненiе совершенно въ духѣ Ленинскаго „Что дѣлать", но также, какъ оно, показало бы полное непониманiе социальнореволюцiоннаго пониманiя исторiи. Разъ въ рабочихъ проснулась политическая мысль, они не могутъ не принимать участiя въ политической жизни страны. И именно вслѣдствiе своей революцiонности они принимаютъ активное участiе *во всѣхъ формахъ и проявленiяхъ* политической борьбы. Вотъ почему всякая борющаяся, въ томъ или другомъ видѣ, тѣми или другими средствами, съ большей или меньшей энергiей, противъ политической реакцiи партiя, находитъ, не смотря на классовую рознь и на всѣ политическiя разочарованiя пролетарiата, поддержку и политическiй резонансъ въ рабочихъ массахъ, часто превосходящiй и надежды, и намѣренiя тѣхъ, кто выставилъ политическiй лозунгъ. И вотъ почему, какъ бы вяло ни вели русскiе либералы свою оппозицiю въ Государственной Думѣ и свою политическую борьбу, они привлекутъ къ себѣ вниманiе рабочихъ и будутъ пользоваться ихъ поддержкой, сколько

бы мы не говорили рабочимъ: „не вѣрьте имъ, они ваши классовые враги и предатели революцiи". Сплотить же рабочихъ въ революцiонную социальдемократическую партiю мы можемъ только если примемъ сами участiе въ думской кампанiи, если будемъ, критикуя либераловъ, толкать ихъ впередъ и если покажемъ несостоятельность думской оппозицiи и необходимость революцiоннаго переворота не на словахъ только, не только революцiонной проповѣдью, а на политическихъ фактахъ.

Но Ленинъ опасается упустить моментъ. Онъ боится, какъ бы либераламъ въ самомъ дѣлѣ не удалось перетянуть на свою сторону рабочихъ. Онъ изобличаетъ либераловъ въ предательствѣ революцiи, но въ сущности боится, революцiоннаго предательства рабочихъ. Поэтому онъ торопится „проповѣдью революцiи, ея организацiи" etc. ускорить развязку. Ему кажется, что, если обратить вниманiе рабочихъ на другiя формы политической борьбы, кромѣ революцiоннаго возстанiя, то пропадетъ ихъ революцiонная энергiя. Но эти другiя формы борьбы навязываются самой жизнью. Поэтому — скорѣй, скорѣй, спасайте революцiю! Въ основѣ его революцiонной горячности лежитъ *революцiонная неувѣренность.*

Въ связи съ этимъ онъ опредѣляетъ наше отношенiе къ другимъ партiямъ не нашей классовой политикой, и ихъ политической ролью, а ихъ формальными заявленiями по вопросу революцiоннаго возстанiя. Какъ онъ раньше кокетничалъ передъ либералами, когда тѣ прибѣгали къ помощи нашихъ „нелегальныхъ организацiй", такъ онъ теперь предлагаетъ формальное „соглашенiе", т. е. политическiй компромиссъ, съ „революцiонными *демократами*" для спасенiя революцiи. Опять только русская погудка на знакомый изъ западноевропейскаго движенiя ладъ. Такъ во Францiи оппортунисты вошли въ компромиссъ съ радикалами, чтобы „спасти республику". Ленинъ раньше попалъ на путь Струве, а теперь идетъ по пути жоресизма.

Ленинъ требуетъ „соглашенiя съ революцiонными демократами на почвѣ *совмѣстной агитацiи* за возстанiе, *подготовки* и *проведенiя* его". Можемъ ли мы съ демократами „совмѣстно агитировать" за революцiю? Агитируя за революцiю, мы должны подготовлять пролетарiатъ къ тому, чтобы онъ, побѣдивъ, умѣлъ воспользоваться своей побѣдой — поэтому мы должны обращать его вниманiе на то, что демократы, оказавшись у власти, явятся орудiемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ. Мы не можемъ не дѣлать этого, если мы даже просто правдивы. Иначе намъ пришлось бы фальсифицировать исторiю, которая доказываетъ

предательство демократовъ кровавыми фактами. Мы ведемъ свою агитацію, чего бы она ни касалась, революціоннаго возстанія или выборовъ въ Думу, на почвѣ классовой борьбы, а демократы хотятъ объединить націю — какъ же намъ „совмѣстно агитировать"? Еще меньше того мы можемъ съ ними вступать въ политическій союзъ. Намъ нужно прежде всего обособить рабочихъ, слить ихъ въ самостоятельную и враждебную всѣмъ другимъ политическую силу. А Ленинъ своимъ „соглашеніемъ" стираетъ грань между нами и той мелкобуржуазной демократіей, которая составляетъ переходъ къ капиталистическимъ партіямъ, и прикрываетъ это „проповѣдью революціи". Для него интересы революціи идутъ въ разрѣзъ съ интересами классовой борьбы. Такъ невѣрная точка зрѣнія переворачиваетъ всѣ вещи и передвигаетъ переспекивы.

Ослабляя политическимъ компромиссомъ съ демократами классовую оппозицію, Ленинъ облегчаетъ доступъ къ рабочимъ, заодно съ демократами, также — либераламъ. Да и борется то онъ противъ либераловъ не столько потому, что они капиталистическая партія, сколько потому, что они недостаточно революціонны. А что если либералы заявятъ себя приверженцами революціи? Вѣдь, дѣлали же они это въ другихъ странахъ, возможность не исключена и въ Россіи. Тогда падаетъ вся кажущаяся непримиримость Ленина, и онъ долженъ, оставаясь послѣдовательнымъ, соединиться съ либералами, какъ теперь входитъ въ соглашеніе съ „революціонными демократами", Но оттого, подготовляютъ ли либералы революціонное возстаніе, или нѣтъ, они не перестаютъ быть чистокровной капиталистической партіей.

Мы должны агитировать не совмѣстно, а *противъ демократовъ*, какъ и противъ либераловъ, и нельзя намъ ни съ кѣмъ соединяться. Но это не исключаетъ того, что мы поддерживаемъ и тѣхъ и другихъ і осколько они, намѣренно или противъ своей воли, сознательно или безсознательно, въ той или другой степени, являются *революціоннымъ факторомъ*. Принципіально враждебные всѣмъ буржуазнымъ партіямъ и партіямъ, стремящимся притупить классовую борьбу, мы не можемъ не считаться съ политическими проявленіями ихъ жизнедѣятельности и поддерживаемъ всякое *революціонное или демократическое начинаніе*, откуда бы оно ни исходило. Наше общее отношеніе къ политической партіи еще не предопредѣляетъ нашего отношенія къ *политическому факту*, созданному въ томъ или другомъ случаѣ этой партіей. Самый политическій фактъ можетъ быть намъ или враждебенъ, или благопріятенъ — съ этимъ приходится сообразовать наше отношеніе къ нему.

Вся сила организацій соціальнореволюціонной арміи пролетаріата заключается въ томъ, чтобы ввести рабочихъ какъ активный элементъ во всѣ формы и проявленія политической жизни страны и умѣть охватить всю ихъ разнообразную и все разростающуюся политическую дѣятельность идеей диктатуры пролетаріата съ цѣлью соціалистическаго переворота. Эта связь недоступна политическому мышленію чистыхъ революціонеровъ. Они знаютъ только революціонное возстаніе и ничего другого. Но одной „проповѣдью революціи" еще никогда и нигдѣ не удалось удержать въ связи массы рабочихъ. Такова судьба анархизма и всѣхъ антипарламентарныхъ теченій. Потерпѣвъ фіаско, эти идеологи революціоннаго абсолюта, по прямолинейности своей логики, впадаютъ въ другую крайность абсолюта парламентарнаго, или экономической борьбы. Одно изъ нихъ постоянно исключаетъ другое.

Ленинъ сейчасъ отвергаетъ парламентарную тактику, чтобы спасти революцію, — а на почвѣ парламентаризма онъ въ состояніи отвергнуть революцію.

Непримиримый революціонеръ, революціонеръ прежде всего и послѣ всего, утромъ и вечеромъ, съ безпрерывной проповѣдью революціи на устахъ, *Ленинъ* вотъ что пишетъ: „Когда *на дѣлѣ*, а не на языкѣ писателей, создастся база существованія политическихъ партій (въ томъ числѣ и Р. С. Д. Р. П.), тогда мы *обязаны будемъ пересмотрѣть весь вопросъ о возстаніи заново*, ибо для насъ возстаніе есть лишь одно изъ важныхъ, но вовсе не всегда обязательныхъ средствъ *завоеванія свободнаго поля для борьбы* за соціализмъ".

Для насъ возстаніе, то есть революція, не только „одно изъ важныхъ средствъ" для завоеванія „свободнаго поля для борьбы", но *единственное средство овладѣть политической властью въ цѣляхъ соціальной революціи*. Въ западной Европѣ уже давно завоевано „свободное поле для борьбы за соціализмъ", такъ что же? ревизовать вопросъ о революціи? Это именно то, чего требуютъ Бернштейнъ, Гейне, Шиппель ест. Ленинъ сейчасъ перекинулся революціонеромъ и стоитъ на головѣ — станетъ на ноги и окажется шаблоннымъ оппортунистомъ.

На самомъ дѣлѣ нѣмецкая соціальдемократія въ настоящее время ревизуетъ не идею революціи, а идею парламентарной борьбы, и только что на партейтагѣ въ Іенѣ, своимъ рѣшеніемъ о политической массовой стачкѣ выдвинула на политическій планъ идею *народнаго возстанія*, которое, разумѣется, въ западной Европѣ будетъ носить другой характеръ, но не потому, что тамъ парламентарный порядокъ, а вслѣдствіе большей опредѣленности и простоты

классовыхъ отношеній, вслѣдствіе громаднаго количественнаго перевѣса пролетаріата, его высшей политической сознательности, благодаря его сильнымъ политическимъ и экономическимъ организаціямъ, его долгими годами классовой борьбы выработанной дисциплинѣ и благодаря несравненно болѣе высокому общему культурному уровню страны.

Передъ русскимъ пролетаріатомъ меньше всего стоитъ задача ревизовать свою революціонную тактику, разъ будетъ достигнутъ дѣйствительный парламентаризмъ. Наоборотъ, онъ, по историческимъ условіямъ своей борьбы, приведетъ парламентарную борьбу и революціонное возстаніе въ болѣе непосредственную и живую связь и этимъ внесетъ новую соціальнореволюціонную энергію въ классовую борьбу міроваго пролетаріата.

Въ чемъ же мы мы съ Ленинымъ расходимся? Въ томъ расходимся, что для него революція дѣло момента, который можно упустить, а для меня это неотвратимый историческій процессъ.

Онъ думаетъ, что революціонное возстаніе создаетъ революцію, а я полагаю, что революція дѣлаетъ возстаніе побѣдоноснымъ. Онъ ищетъ союзниковъ со стороны для революціоннаго возстанія, потому что не довѣряетъ революціонной энергіи пролетаріата, — а я ввожу рабочихъ въ политическую борьбу и ставлю ихъ въ политическія отношенія къ другимъ партіямъ, чтобы проявить ихъ революціонную энергію.

Ленинъ раздѣляетъ тактику на двѣ стадіи — революціонную и парламентарную, а для меня революціонная тактика вытекаетъ изъ классовой борьбы пролетаріата во всякое время и при всякихъ условіяхъ, не исключается парламентаризмомъ, не исключаетъ его, а должна самый парламентаризмъ претворить въ себя.

Ленинъ разсматриваетъ тактику съ точки зрѣнія сверженія самодержавія и непосредственной побѣды революціи — я ее разсматриваю съ точки зрѣнія организацій соціальнореволюціонной арміи пролетаріата, которая бы сдѣлала революцію непрерывной (permanent).

Не только Государственная Дума, какъ она теперь созывается, но даже самый совершенный капиталистическій парламентъ еще на много лѣтъ не въ состояніи будетъ справиться съ той путаницей общественныхъ и національныхъ отношеній и вытекающей отсюда политической борьбой, которая создана соціальнымъ развитіемъ Россіи и затянувшимся гнетомъ абсолютизма. Будутъ волненія, возстанія, будетъ горячая и сложная парламентская борьба и пролетаріатъ сыграетъ во всемъ этомъ тѣмъ болѣе выдающуюся роль и тѣмъ больше используетъ политическое развитіе въ своихъ интересахъ, чѣмъ раньше, сознательнѣе, разностороннѣе и рѣшительнѣе онъ приметъ участіе въ всѣхъ формахъ и проявленіяхъ политической жизни страны, соподчиняя все своей конечной цѣли — завоевать политическую власть.

* * *

Теперь поговоримъ еще о моей „добротѣ“, столь усердно выдвигаемой Ленинымъ. Это тоже пунктъ расхожденія. Я, дѣйствительно, съ самаго начала отнесся къ ставшимъ потомъ извѣстными подъ именемъ „Искровцевъ“ русскимъ товарищамъ съ большимъ благорасположеніемъ. Ошибки ихъ я видѣлъ. Но зная хорошо, что наши революціонные принципы являются неизмѣннымъ результатомъ революціоннаго движенія, значитъ историческаго процесса, я твердо вѣрилъ, что сама жизнь выправитъ политическія погрѣшности и создастъ правильную тактику.

Еще когда Ленинъ принесъ мнѣ первые два номера „Искры“ и объявленіе о выпускѣ ея, я сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

„Вы боритесь противъ оппортунизма, но вы какъ будто боитесь его. Почитаешь васъ, то получаешь представленіе, что экономизмъ какой то черной тучей надвинулся надъ русскимъ рабочимъ движеніемъ и готовъ его сломать, если васъ нѣсколько человѣкъ марксистовъ не воспротивятся тому. Это, конечно, пустяки. И въ Западной Европѣ вся сила нашей борьбы противъ оппортунизма заключается въ томъ, что онъ *не можетъ* руководить рабочимъ движеніемъ.

Если бы онъ даже не встрѣчалъ теоретической критики, то онъ самъ на практикѣ дискредитировалъ бы себя передъ рабочими. Но онъ создалъ было нѣкоторое время путаницу, тактическія уклоненія и ослабилъ бы энергію политической борьбы рабочихъ. Вотъ почему мы выступаемъ противъ него со всей рѣшительностью. А въ Россіи, гдѣ государственная власть стоитъ передъ рабочими въ своей самой грубой и голой формѣ, уже всего меньше можно опасаться, что рабочіе останутся внѣ политической борьбы. Я, однако, понимаю вашу психику. Вы только что пріѣхали изъ Россіи, гдѣ вамъ пришлось лицомъ къ лицу вести борьбу съ экономистами, а борьба мнѣній застилаетъ передъ вашими глазами процессъ политическаго развитія. Это даже до нѣкоторой степени хорошо. Вамъ кажется, что отъ вашей идейной борьбы зависитъ все, а это придаетъ ей энергіи. Но то, что упускаете вы изъ виду самый соціальнореволюціонный процессъ, можетъ повести къ политическимъ ошибкамъ.

Главное — нужно создать *соціальдемократическую газету*, которая на дѣлѣ вела бы *политическую борьбу*. Вы на пути къ тому. А если Вамъ удастся продержать „Искру“ хоть года два, то вы будете имѣть движеніе за собой уже по тому одному, что вы явитесь наилучшимъ его выразителемъ“.

Такъ оно и вышло. Искра оказалась во главѣ соціальдемократіи тѣмъ, что вела политическую борьбу, а всего меньше вслѣдствіе своей партійной полемики, которая, однако, неминуемо вытекала изъ ея политической борьбы. Передъ II съѣздомъ, когда политическое вліяніе Искры достигло своего высшаго пункта, я указалъ на это Ленину. Я писалъ ему въ томъ смыслѣ, что „Искра“ побѣдила, конечно, главнымъ образомъ, и потому, что имѣла за себя потическое развитіе, и что это его должно быть теперь убѣдило въ томъ, какъ были неосновательны его опасенія, какъ бы оппортунизмъ не овладѣлъ стихійной классовой борьбой пролетаріата въ Россіи. Признаюсь, что такое предположеніе относительно Ленина было съ моей стороны довольно наивнымъ. Непосредственно за этимъ Ленинъ своей тактикой на съѣздѣ показалъ, что въ его глазахъ не Искра явилась выразителемъ развитія партіи, обусловленнаго общимъ политическимъ развитіемъ страны, а все партійное развитіе было создано пропагандой и полемикой Искры. Наивность моя объясняется тѣмъ, что я относился къ Ленину, какъ къ политическому дѣятелю. Для политическаго дѣятеля важенъ въ первую линію *политическій результатъ*, а не то, чтобы провести какую нибудь спеціальную идейку или одержать верхъ надъ тѣмъ или другимъ. Оказалось, однако, что Ленинъ слѣпо старается провести свою политическую схему и готовъ урѣзать партію и даже самую политическую жизнь, разъ она не подходитъ подъ его политическій колпачекъ. Исторія партіи со времени II съѣзда въ обратномъ порядкѣ должна была показать Ленину перевѣсъ политическаго развитія надъ политическими идеями. Всѣми своими статьями и брошюрами, отъ которыхъ онъ ждалъ чудодѣйственныхъ результатовъ, онъ не достигъ объединенія партіи по установленной схемѣ, а, наоборотъ, раздробилъ и раскололь ее. Политическое развитіе, обезсиливъ его партійную полемику и пропаганду, привело его политическую ломку къ абсурду. Но онъ не видитъ этого и не хочетъ видѣть. Сидитъ на корточкахъ и старается подобрать политическую жизнь подъ свой бумажный колпакъ, пыхтя и злясь, оттого что она все выбивается наружу и цѣлыми массами расходится по сторонамъ, хлопочетъ на всѣ руки и брыжжетъ слюной, объявляя предателемъ всякаго, кто находитъ и политическое развитіе, и революціонную борьбу — внѣ ле-

нинскаго колпака. Предателемъ по отношенію къ Ленину станетъ вся политическая жизнь, если онъ не научится считаться съ нею.

Жизнь, внѣ всякаго сомнѣнія, внесла значительныя поправки въ тактику русской соціальдемократіи. Я обрадовался, когда появилось „Освобожденіе“. Лучшаго намъ не нужно было, какъ то, чтобы либералы занялись своимъ политическимъ самоопредѣленіемъ и повели свою самостоятельную политическую борьбу. Это должно было заставить соціальдемократію рѣшительно выступить противъ нихъ. Такъ оно и вышло. Съ тѣхъ поръ отношеніе русской соціальдемократіи къ либерализму въ основѣ своей опредѣлилось. Были колебанія при зачаткахъ земской кампаніи. Жизнь ихъ выправила. Теперь мы, какъ видимъ, стоимъ уже передъ противоположной крайностью — игнорированія политической роли либерализма. И тутъ послѣднее слово, конечно, скажетъ опять таки сама жизнь. Тактика опредѣляетъ политическую борьбу, а политическая борьба въ своемъ развитіи опредѣляетъ тактику. Это — неизбѣжное историческое взаимодѣйствіе. Нѣтъ случая, чтобы тактика вышла готовой — какъ Минерва въ полномъ вооруженіи изъ головы Юпитера — изъ духовной мастерской партіи и не подверглась бы въ жизни измѣненіямъ.

Сильно разочаровала меня составленная „Искрой“ политическая программа. Помимо стремленія стилистическими поправками уйти изъ оппортунистической критики въ теоретической части, отчего пострадала ясность и отчетливость исторической формулировки, я ужь никоимъ образомъ не могъ удовлетвориться экономическими требованіями аграрной ея части*). Жизнь уже сейчасъ отбросила въ сторону параграфъ объ отрѣзкахъ, этотъ жалкій компромисъ между сознаніемъ, что, сохраняя капиталистическія отношенія, нельзя спасти крестьянство, и стремленіемъ „дать хоть что нибудь“, чтобы заполучить крестьянина для революціи. Теперь всѣмъ ясно, что наша аграрная программа должна быть поставлена на совершенно другую экономическую базу.

Иначе, однако, пошло развитіе во внутренней жизни партіи. Оказалось, что страхъ передъ оппортунизмомъ коренился гораздо глубже, чѣмъ я вначалѣ предполагалъ. Ленинъ показалъ своимъ „Что дѣлать“, что онъ самъ смотритъ на рабочее движеніе, по сколько оно представлено самому себѣ, оппортунистически. Онъ „оппортунистъ на-

*) Очень вѣрную критику программы далъ *Рязановъ* въ своихъ „Матеріалахъ“. Книжка эта по многимъ причинамъ, отчасти по своимъ дубоватымъ литературнымъ пріемамъ не могла завоевать себѣ того вниманія, котораго заслуживаетъ.

изнанку“, какъ я характеризовалъ его въ „Искрѣ“. Тотъ самый стихійный процессъ, который намъ даетъ всю нашу увѣренность въ борьбѣ съ оппортунизмомъ, его переполняетъ неувѣренностью и опасеніями. Не видя соціально-революціоннаго развитія, онъ видитъ одни только оппортунистическіе страхи. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ въ значительной степени создалась „внутренняя политика“ „Искры“.

Вмѣсто того, чтобы расширить агитацію, введя въ нее политическій факторъ, политика была противопоставлена экономической борьбѣ. Политическая борьба выдвинула новыя формы проявленія революціонной энергіи рабочихъ — демонстраціи. Но вмѣсто того, чтобы старое связать съ новымъ, продолжать агитацію на экономической базѣ, созданныя ей организаціи употреблять на политическую борьбу, внося такимъ образомъ, организаціонный элементъ и въ массовыя политическія проявленія, демонстраціи были противопоставлены всему другому, какъ единственная и чистая форма политической борьбы. Старыя организаціи были стерты и порвана та живая связь между партіей и массами, которую онѣ составляли, подобно тому, какъ нервы связываютъ мозгъ со всѣмъ тѣломъ. Получалось такое положеніе: съ одной стороны партія со своей политической программой, съ другой стороны массы, съ своими стихійными проявленіями, которыя партія старается использовать, придавая имъ политическій характеръ.

Значеніе рабочихъ демонстрацій вначалѣ было главнымъ образомъ агитаціонное. Я былъ изумленъ, когда „Искра“ стала печатать заявленія рабочихъ въ томъ родѣ, что теперь намъ не до агитаціи, не нужно намъ книжекъ, а дайте намъ ножъ въ руки. Я говорилъ: наоборотъ, надо предостерегать рабочихъ отъ иллюзій, что они своими демонстраціями уже дѣлаютъ революцію, надо имъ доказывать, что революція требуетъ еще несравненно большихъ усилій и большаго подъема массъ и требуетъ организаціи, что рано еще ждать отъ демонстрацій непосредственныхъ политическихъ результатовъ, а использована демонстрація вполнѣ тогда, если результатомъ ея является расширеніе агитаціи и организаціи, и на это нужно, пока что, обратить главное вниманіе. На самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы использовать демонстрацію въ организаціонныхъ цѣляхъ, обратили все вниманіе на то, чтобы поскорѣе вызвать все новыя и новыя демонстраціи, вслѣдствіе чего онѣ стали мельчать, такъ что „Искра“ сама должна была выступить противъ этой горячки демонстрацій.

Вопросы агитаціи и организаціи среди массъ все больше отходили въ сторону. Помню, я разъ говорилъ при случайномъ посѣщеніи редакціи „Искры“ о томъ, какое громадное агитаціонное значеніе имѣетъ пріученіе рабочихъ разоблачать въ печати разныя фабричныя непорядки и притѣсненія. Это затрагиваетъ живые, ясные интересы рабочихъ, и то, что происходитъ на отдѣльной фабрикѣ, будучи выставлено публично, становится средствомъ классовой агитаціи. Въ отвѣтъ на это мнѣ показали цѣлую кучу писемъ изъ фабрикъ и заводовъ, которыя не были помѣщены въ „Искрѣ“. Конечно, въ Центральномъ Органѣ для такихъ вещей мало мѣста.

Но когда я въ другой разъ, послѣ того какъ мнѣ было доставлено нѣсколько номеровъ „Южнаго Рабочаго“, которые я съ удовольствіемь прочиталъ, коснулся значенія мѣстной прессы, то я, къ вящему своему изумленію, натолкнулся на тотъ взглядъ, что мѣстную прессу слѣдовало-бы по возможности свести на нѣтъ въ интересахъ объединенія движенія и руководства имъ со стороны Центральнаго Органа. Мой личный опытъ и исторія нѣмецкой соціальдемократіи показали мнѣ, что мѣстная рабочая пресса не только главная просвѣтительная и агитаціонная сила, но что на ней больше, чѣмъ на формальной организаціи, держится связь партіи.

Оторванность политической борьбы отъ классовой агитаціи и организаціи привела къ ея собственному съуженію и опрощенію. Наконецъ, все свелось къ тому, чтобы заставить рабочихъ кричать: „долой самодержавіе“! Прямолинейнымъ выводомъ изъ этой упрощенной политики явился теперешній ленинскій исключительный революціонизмъ, ставящій на мѣсто разновидныхъ формъ классовой агитаціи и политической борьбы, выдвигаемыхъ революціоннымъ развитіемъ, „проповѣдь революціоннаго возстанія, его условій, организаціи“.

Я уже показалъ въ „Искрѣ“, какъ борьба Ленина не противъ оппортунистовъ, литературно и политически искажающихъ характеръ борьбы пролетаріата за свое освобожденіе, а противъ мнимаго оппортунизма самого рабочаго, движенія, привела его — на почвѣ интеллигентскихъ революціонныхъ кружковъ — къ его организаціонной схемѣ, имѣвшей назначеніе подчинить рабочія массы кучкѣ идеологовъ революціи и соціализма. Когда на съѣздѣ партія раскололась, „большинство“ и „меньшинство“ повели другъ противъ друга ту же тактику исключительности, узкаго противопоставленія и взаимнаго вытѣсненія, что раньше по отношенію къ рабочедѣльческимъ организаціямъ.

Мнѣ первый сообщилъ Староверъ о расколѣ. Я писалъ ему въ отвѣтъ, что это башибузукскіе пріемы.

Замѣчу уже кстати, что и въ своихъ отношеніяхъ къ „Бунду“, „Искра“ высказала ту-же узкую нетерпимость. Когда появилась, сколько мнѣ помнится, въ четвертомъ номерѣ „Искры“, первая статья противъ „Бунда“, я сказалъ редакціи: „Такъ пишутъ только тогда, если имѣютъ желаніе и возможность смести организаціи и поставить на ихъ мѣсто другія. Если этого желанія и этой возможности у васъ нѣтъ, то вы такой полемикой только усилите націоналистическія тенденціи въ „Бундѣ“.

Настало тревожное время. Обострился русско-японскій конфликтъ. Видно было, что готовится война. Война должна была привести къ революціи. Надвигался великій историческій моментъ. Передъ соціальдемократіей стояла задача собрать поскорѣй всѣ силы, отбросивъ все, мѣшающее совмѣстной дѣятельности, и постараться двинуть организованныя массы рабочихъ въ политическую борьбу. На дѣлѣ же партія губила свои силы въ междуусобной борьбѣ. Тогда я въ первый разъ выступилъ публично по вопросу о разногласіяхъ въ русской соціальдемократіи.

Я помѣстилъ въ нѣмецкой соціальдемократической прессѣ — въ декабрѣ 1903 года — статью, гдѣ давалъ анализъ готовящихся политическихъ событій, и закончилъ ее слѣдующими словами:

„Мы знаемъ, что не въ нашихъ силахъ создавать событія. Вся наша задача — держать пролетаріатъ наготовѣ, чтобы онъ могъ гнать политическое развитіе впередъ, когда настанутъ событія. Для соціальдемократіи въ Россіи отсюда вытекаетъ одно, господствующее надъ всѣми остальными требованіе — *организація.* Но организація — не мертвая петля, которую набрасываютъ на массы, чтобы ихъ удержать вмѣстѣ, нѣтъ, это ферментъ, который вносятъ въ массы, чтобы растить въ ней живую, органическую ткань. Кто полагаетъ, что вся суть въ томъ, чтобы собрать всѣ нити въ одной рукѣ и съ одного пункта, будь то Петербургъ или Женева, командовать рабочими, тотъ предается вздорной идеѣ, будто соціальдемократія можетъ тиранизировать массы, какъ даже русскій абсолютизмъ не можетъ ихъ тиранизировать. Русскіе рабочіе должны прежде всего научиться — сплочиваться вмѣстѣ, выступать какъ единая политическая сила съ сознательной волей. Кто стремится только къ организаціи агитаторовъ и игнорируетъ организацію массъ, тотъ думаетъ, что съумѣетъ воспользоваться рабочими, какъ матеріаломъ для революціи, подобно тому, какъ они въ арміи служатъ пушечнымъ мясомъ. Если это дѣлается изъ соображеній конспираціи, то изъ за борьбы противъ шпиковъ упускаютъ изъ виду борьбу противъ самодержавія, а ужъ

тѣмъ болѣе великую борьбу за освобожденіе рабочаго класса. Я говорю это передъ форумомъ нѣмецкой соціальдемократіи, потому что въ настоящее время въ средѣ русской соціальдемократіи разыгрываются споры въ намѣченномъ выше смыслѣ, а намъ (соціалистамъ въ Западной Европѣ), уже въ виду готовящагося въ Россіи политическаго переворота, не можетъ быть безразлично, чѣмъ этотъ споръ завершится. Наша надежда и опора всегда и во всѣхъ случаяхъ — соціальнореволюціонный характеръ рабочаго класса. Это, конечно, банальная истина, но забывать ее не слѣдуетъ“.

Въ этихъ строкахъ Ленинъ впервые открылъ мою „доброту“. Впослѣдствіи ему еще не разъ приходилось знакомиться съ ней, но это можно опустить, такъ какъ уже сказаннаго достаточно, чтобы опредѣлить послѣдній пунктъ моего расхожденія съ нимъ — разное отношеніе къ партійной организаціи и къ практикѣ *внутри партіи*

Для Ленина организація — головная схема. Онъ ее придумалъ, чтобы примирить противорѣчіе между своимъ оппортунистическимъ взглядомъ на рабочее движеніе и своими соціалистическими и революціонными вожделѣніями. Это для него единственный исходъ. Для Ленина придуманная имъ организаціонная схема что то въ родѣ іерихонской трубы, сквозь которую онъ, надувъ щеки, проповѣдью революціи готовится разрушить и башни самодержавія и стѣны капитализма. Внѣ этого онъ теряется — вотъ почему, внѣ этого, для него все расползается. Въ силу этого онъ свою главную задачу видитъ не въ томъ, чтобы всѣми средствами ввести пролетаріатъ въ политическую борьбу, а въ томъ, чтобы помѣшать политической борьбѣ пролетаріата стать оппортунистической. Такъ какъ съ паденіемъ его организаціонной схемы падаетъ его собственный революціонизмъ, то ему кажется, что съ нею за одно падаетъ историческій процессъ революціоннаго развитія. Вотъ почему онъ старается придавить и придушить все, что не подходитъ подъ его партійную шаблонку и объявляетъ предателями революціи всѣхъ, кто не раздѣляетъ его политическихъ идей. И вотъ почему онъ уже два года ведетъ въ партіи деструктивную работу, ищетъ революціонной диктатуры, показавъ себя совершенно неспособнымъ объединить революціонныя силы и руководить ими, и, проповѣдуя организацію революціи, самъ, раздувая междуусобіе въ партіи, всѣхъ больше ее дезорганизуетъ.

Для меня организація — форма, въ которую вливается соціальнореволюціонный процессъ и которая имъ же самимъ создается. Важна ея база — *рабочія массы.* Это прежде всего. Организація внѣ рабочихъ массъ, поверхъ рабочихъ

массъ, есть все, что угодно, но только не социальдемократія. Разъ эта основа дана, организаціонный статутъ, хотя и не безразличенъ, но имѣетъ подчиненное значеніе. Неудовлетворительная организаціонная форма не задержитъ роста партіи, а наоборотъ развитіе партіи измѣнитъ организаціонную форму. Это можно показать на десяткахъ примѣровъ изъ рабочаго движенія. Нѣмецкая социальдемократія нѣсколько разъ измѣняла свою организаціонную форму. Она только что на партейтагѣ въ Іенѣ внесла опять очень серьезныя измѣненія въ свой организаціонный статутъ. И, выходитъ, что соціальдемократія въ Германіи развилась и стала могучей при неудовлетворительной организаціонной формѣ. Не боюсь я также тактическихъ уклоненій, разъ дана основа тактики соціальдемократіи — классовая борьба пролетаріата. Нѣтъ хуже той тактики, которая внутренними раздорами дезорганизуетъ и деморализуетъ боевую армію.

Можетъ показаться парадоксомъ, а Ленинъ изъ за этого меня опять обвинитъ въ предательствѣ и, пожалуй, объявитъ мирнымъ культуртрегеромъ, но я утверждаю: нѣтъ такой организаціонной формы, которая *одна* могла бы охватить всю классовую борьбу пролетаріата.

Мы видимъ прежде всего двѣ великія разновидности *профессіональныхъ организацій* на почвѣ экономической борьбы и *партійной организаціи* на почвѣ борьбы за государственную власть. И то и другое—классовая борьба. Обращаю вниманіе всѣхъ, кто съ революціонной подозрительностью относится къ профессіональнымъ союзамъ, на то, что классическій анализъ классовой борьбы пролетаріата въ Коммунистическомъ Манифестѣ покоится не на чемъ другомъ, какъ на экономической борьбѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Классовая борьба иногда болѣе революціонна на экономической почвѣ, иногда на политической; послѣ временныхъ расхожденій, благодаря различной амплитудѣ и скорости теченія волнъ, обѣ струи всегда неминуемо снова сливаются въ одинъ соціально-революціонный потокъ. Интенсивность классовой борьбы пролетаріата вообще не всегда одинакова и находится въ зависимости отъ общаго темпа капиталистическаго развитія и его законовъ: отъ уровня производства, развитія индустріи, аграрныхъ отношеній, положенія на всемірномъ рынкѣ, отъ количественнаго соотношенія классовъ, отъ государственной формы, отъ политики правительствъ, отъ международныхъ столкновеній государствъ, отъ культурнаго развитія и т. д. и т. д.

Кромѣ этихъ главныхъ формъ, пролетаріатъ создаетъ еще свои экономическія организаціи въ видѣ потребительныхъ обществъ. Онъ объединяется, обыкновенно въ связи

съ профессіональными союзами, въ больничныя и другія кассы взаимопомощи. Наконецъ, онъ проникаетъ въ самую государственную систему, занимая выборныя мѣста. Онъ пробирается въ муниципалитеты, въ суды, создаетъ собственные суды законодательнымъ порядкамъ или путемъ соглашенія съ предпринимателями. Повсюду онъ вноситъ свой классовой интересъ и свою классовую политику. А соціализмъ всѣ эти многоразличныя формы проявленія классовой энергіи пролетаріата связываетъ идейно и направляетъ къ общей цѣли—соціальной революціи.

Многостороння и необъятна классовая борьба пролетаріата, ибо многостороння и необъятна его историческая задача. Онъ долженъ не только свергнуть господство класса капиталистовъ, онъ долженъ умѣть самъ стать на его мѣсто, чтобы открыть путь развитію соціалистическаго строя. И соціализмъ не просто уничтожитъ наемный трудъ на фабрикѣ, онъ отмѣнитъ всю структуру производства, всѣ общественныя, семейныя и общечеловѣческія отношенія и дастъ просторъ невиданнымъ культурнымъ силамъ.

И передъ этимъ грандіознымъ историческимъ процессомъ стоитъ маленькій человѣчекъ съ тревожнымъ лицомъ и революціоннымъ розмахомъ рукъ и суетится, хлопочетъ, какъ бы не исчезли и соціализмъ и революція!

Кончаю. Я нисколько не чувствовалъ потребности полемизировать съ Ленинымъ. Онъ и въ ошибкахъ своихъ нисколько не оригиналенъ. А повторять съ нимъ зады рабочей политики у меня не было ни желанія, ни времени. Но онъ упорно искалъ полемики и, наконецъ, забросилъ меня столь же вздорными, сколько задорными личными нападками. Пришлось отвѣчать. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать попытку разъяснить въ общемъ тактику соціальдемократіи, что раньше думалъ было сдѣлать въ другой связи. Если Ленинъ при этомъ попалъ въ положеніе гоголевской унтеръ-офицерской жены, пусть пѣняетъ на себя. Tu l'as voulu, George Dandin!

Русскимъ товарищамъ и всей русской соціалистической интеллигенціи скажу еще вотъ что:

Вы не можете освободить пролетаріатъ отъ экономическаго рабства. Онъ это сдѣлаетъ самъ.

Но вы можете его освободить отъ *умственнаго рабства*, которое есть то же продуктъ классоваго гнета и притомъ самый ужасный его продуктъ. Скованная воля хуже скованныхъ рукъ, умъ безпомощный хуже голоднаго желудка. Велика революціонная энергія русскихъ рабочихъ, но мало еще ихъ политическое пониманіе. Не въ томъ, дѣло, чтобы имъ прибавить энергіи, а въ томъ чтобы имъ прибавить

сознательности. Уму, удрученному рабствомъ, многое кажется недоступнымъ и на многое онъ не рѣшается, что другіе берутъ свободно и чѣмъ они пользуются какъ своимъ естественнымъ правомъ. Посмотрите, какъ на фонѣ революціи, вынесенной рабочими на своихъ плечахъ, заговорили всѣ слои общества и какъ мало еще сказалъ рабочій — отъ себя. Заставьте его говорить. Заставьте его писать. Будите его мысль. Будите его иниціативу въ экономической и политической борьбѣ и во всѣхъ формахъ общественной жизни. Раскройте передъ нимъ всѣ мельчайшія проявленія политической жизни, ибо онъ многаго не видитъ по недостатку знаній. Лучше сдѣлать тактическую ошибку на почвѣ расширенія политической дѣятельности рабочихъ, чѣмъ суживать ихъ политическую дѣятельность, боясь сдѣлать тактическую ошибку. Только не скрывайте отъ нихъ ничего. Это —демагогія, ибо вы тогда строите свой планъ не на политическомъ пониманіи, а на политическомъ невѣжествѣ народа. Научите рабочихъ самимъ создавать организаціи и управляться съ ними. Сдѣлайте такъ, чтобы они могли обойтись безъ васъ.

По мѣрѣ того, какъ вы этого достигнете, вы создадите изъ рабочихъ сознательную политическую силу. Это политическая сила по своему классовому положенію будетъ соціальноволюціонной. Она поэтому будетъ стоять поперекъ пути предательству революціи буржуазіей и не дастъ погаснуть революціи. Она откроетъ новые шансы и новую базу для организаціи революціонныхъ возстаній. Но по мѣрѣ того, какъ эта соціальнореволюціонная армія будетъ рости, она будетъ ставить революціи все новыя и болѣе великія историческія задачи.

50 Centimes